

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ.

Петръ Андреевичъ
ВЯЗЕМСКІЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ImWerdenVerlag
München 2006

СОДЕРЖАНИЕ

СЕЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ.	3
ЦАРЬ ГОРОХЪ.	4
Иному жизнь — одна игрушка... ..	6
ДРУЗЬЯМЪ.	7
СТАРОСТЬ.	7
МУЖЕСТВО.	8
СМИРЕНИЕ.	9
Не тѣмъ трудна житейская задача... ..	9
ХОРОШИЕ ЛЮДИ.	10
ЗАМѢТКА.	15
Меня «за ненависть къ журналамъ» судятъ строго... ..	16
ЗАМѢТКИ.	17
«Зачѣмъ глупцовъ ты задѣваешь?»	18
«Намъ кое-что еще темно въ натурѣ... ..	19
ЗАМѢТКИ.	20
Идутъ ли въ прокъ дѣла, иль плохо... ..	22
Попробуй съ рьянымъ неофитомъ... ..	25
DE MORTUIS AUT NIHIL, AUT BENE.	25
По мнѣ — онъ просто скучный враль... ..	26

СЕЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Люблю проселочной дорогой
Въ день лѣтній, въ праздникъ храмовой
Попасть на службу въ храмъ убогій,
Почтенной сельской простотой.

Тотъ храмъ, построенный изъ бревень
Когда-то былъ села красой,
Теперь онъ ветхъ, хотя не древень,
И не отмѣченъ былъ молвой.

И колоколь его не звучно,
Разноситъ благовѣстный гласъ,
И самоучка своеручно
Писалъ его иконостасъ.

Евангеліе позолотой
Не блещетъ въ простотѣ своей,
И только днями и заботой
Богатъ смиренный іерей.

Но храмъ и паперть и ограду
Народъ усердно обступилъ,
И пастырь набожному стаду
Миръ благодати возвѣстилъ.

Но простодушнѣй, но покорнѣй
Молитвы не услышать вамъ:
Здѣсь ей свободнѣй, здѣсь просторнѣй
Ей воскриляться къ небесамъ.

И старъ и младъ творя поклоны,
Спѣшитъ свѣчу свою зажечь;
И блещутъ мѣстныя иконы,
Облитыя сіяньемъ свѣчь.

Открыты окна.... въ окна дышетъ
Пахучей свѣжестью деревъ,
И пѣшеходъ съ дороги слышитъ
Крестясь, молитвенный напѣвъ.

Въ согласи съ бѣдностью прихода
Ничто не развлекаетъ взглядъ:
Кругомъ и бѣдная природа
И бѣдныхъ избъ стѣсненный рядъ.

Но все святыней и смиреньемъ
Здѣсь успокоиваетъ умъ,
И сердце полно умилениемъ
И свѣтлыхъ чувствъ и чистыхъ думъ.

Поѣдешь дальше, — годы минутъ,
А съ ними многое пройдетъ,
Слѣды минувшаго остынуть
И мало-что изъ нихъ всплыветъ.

Но церковь съ низкой колокольной,
Смиренный, набожный народъ,
Одинъ другаго богомольнѣй,
Въ глуши затерянный приходъ,

Двѣ, три березы у кладбища,
Позеленѣвшій тиной прудъ,
Селенье, мирныя жилища,
Гдѣ бодрствуетъ нужда и трудъ,

Во мнѣ не преданы забвенью:
Ихъ вижу, какъ въ былые дни,
И освѣжительною тѣнью
Ложатся на душу они.

ЦАРЬ ГОРОХЪ.

Преданье есть: во дни царя Гороха
Расчищенъ былъ весь міръ, какъ огородъ,
И безъ хлопотъ, и безъ переполюха
Вездѣ росли рожь, овощи и плодъ.

Возвратися къ намъ, добрый даръ Горохъ!
Безъ тебя, родной, урожай нашъ плохъ.

При немъ народъ былъ трезвъ и благонравенъ,
Былъ безкорыстенъ весь чиновный людъ,
Исправникъ самъ на дѣлѣ былъ исправенъ,
И судія давалъ по правдѣ судъ.

Возвратися къ намъ, добрый царь Горохъ!
Всѣхъ лихихъ судей захвати въ расплохъ.

При немъ цвѣли торговля и науки,
По совѣсти купецъ бралъ барыши,
А грамотѣй, — ему и книги въ руки, —
Писалъ умно и прямо отъ души.

Возвратися къ намъ, добрый царь Горохъ!
Облѣпилъ насъ рой выжигъ и пройдохъ.

При немъ служилъ бояринъ не изъ ленты,
А изъ любви къ царю, къ добру мѣрянъ;
Статьей оброчной не были кліенты
А раскрывалъ онъ бѣднымъ свой карманъ.

Возвратися къ намъ, добрый царь Горохъ!
Деньги и чины — новый нашъ Молохъ.

И дастъ ли царь Горохъ, кому горошку
Иль обойдетъ кого и шелуха,
Никто не лѣзъ самъ къ царскому лукошку,
И зависти никто не зналъ грѣха.

Возвратися къ намъ, добрый царь Горохъ!
Перегрызлись мы изъ казенныхъ крохъ.

При немъ въ чести была одна заслуга,
На мишуру не соблазнялся глазъ,
Въ дуплѣ своемъ не чванилась пичуга
Клочкомъ павлиннихъ перьевъ на показъ.

Возвратися къ намъ, добрый царь Горохъ!
Подняли носы враль и скоморохъ.

При немъ никто не наживался лестью:
Нѣтъ было нѣтъ, кто скажетъ да, такъ да.
Не кланялись блестящему нечестью,
Гнушались зломъ, стыдились стыда.

Возвратися къ намъ, добрый царь Горохъ!
Ипускаетъ честь свой послѣдній вздохъ.

При немъ жила и святость убѣжденья,
И не былъ каждый флюгеръ и двойникъ:
Ни мужеству, ни искренности мнѣнья
Не измѣняли совѣсть и языкъ.

Возвратися къ намъ, добрый царь Горохъ!
Обмелѣлъ народъ, исхудалъ, изсохъ.

И царь Горохъ легко царилъ и правилъ,
О пользѣ всѣхъ, какъ только могъ, радѣлъ;
Кто въ силѣ былъ, тотъ дѣломъ не лукавилъ,
И отъ того не много было дѣлъ.

«Да, когда же жилъ этотъ царь Горохъ?»
— Съ допотопныхъ дней слѣдъ объ немъ заглохъ.

Что въ старину рассказывалось сказкой,
Надежа-царь, ты намъ покажешь въ явь;
Гдѣ твердостью, а гдѣ добромъ и лаской
Ты сбившихся съ пути на путь направь.

Къ пользѣ и добру будь намъ всѣмъ вождемъ.
Что посѣешь ты, то мы и пожнемъ.

Ты обреченъ нести святую тягость,
Ты Провидѣньемъ избранный сосудъ
Души твоей, твоихъ желаній благодать
Порука намъ, что совершишь свой трудъ.

Вѣруютъ въ тебя дѣтушки твои,
Много силы есть въ волѣ и любви.

Русь велика: за то неправдамъ воля
Гулять по ней, иль закопаться въ щель:
Подстережешь! они какъ заяцъ съ поля
Вдругъ улизнуть за тридевять земель.

Но, Богъ въ помощь, царь бодро съ первыхъ поръ
Огороши зло, дай добру просторъ.

1856

* * *

Иному жизнь — одна игрушка,
Другому жизнь — тяжелый крестъ:
Скорбь и веселье, плачь и хохотъ
Доходятъ къ намъ изъ тѣхъ же мѣстъ.

А можетъ быть надъ этимъ смѣхомъ
Есть отверженія печать;

А можетъ быть подъ этимъ плачемъ .
Таится Божья благодать.

1861

ДРУЗЬЯМЪ.

Я пью за здоровье не многихъ,
Не многихъ, но вѣрныхъ друзей,
Друзей неуклончиво-строгихъ
Въ соблазнахъ измѣнчивыхъ дней.

Я пью за здоровье далекихъ,
Далекихъ, но милыхъ друзей,
Друзей, какъ и я, одинокихъ
Средь чуждыхъ сердцамъ ихъ людей.

Въ мой кубокъ съ виномъ льются слезы,
Но сладокъ и чистъ ихъ потокъ;
Такъ съ алыми — черныя розы
Вплелись въ мой застольный вѣнокъ.

Мой кубокъ за здравье не многихъ,
Не многихъ, но вѣрныхъ друзей,
Друзей неуклончиво-строгихъ
Въ соблазнахъ измѣнчивыхъ дней;

За здравье и ближнихъ, далекихъ,
Далекихъ, но сердцу родныхъ,
И въ память друзей одинокихъ,
Почившихъ въ могилахъ нѣмыхъ.

СТАРОСТЬ.

Qui n'a pas l'esprit de son âge,
De son âge a le malheur.
Voltaire.

Бѣда не въ старости. Бѣда
Не состарѣться съ жизнью вмѣстѣ;
Бѣда — въ отцвѣтшіе года,
Ждать жениховъ съдой невѣстѣ.

Бѣда душѣ веселья ждаты
И жаждать новыхъ наслажденій,
Когда день началъ убывать
И въ землю смотритъ жизни геній;

Когда уже въ его рукѣ
Свѣтильникъ грустно догораетъ
И въ увядающемъ вѣнкѣ
Остатокъ листьевъ опадаетъ.

Вольтеръ былъ правъ: несчастны мы,
Когда не въ уровень съ годами,
Когда въ насъ чувства и умы
Не однокгодки съ сѣдинами.

1862

МУЖЕСТВО.

Подъ бурей дубъ растетъ и крѣпнетъ,
Подъ вѣтромъ падаетъ лоза
И гдѣ предъ солнцемъ филинъ слѣпнетъ,
Орелъ глядитъ во всѣ глаза.

Мужъ благодушный не встревоженъ
Его постигшею бѣдой;
Онъ бодръ, спокоенъ, непреложенъ
Предъ испытующей судьбой.

Въ немъ сила воли и покорства;
Какой ни жди его конецъ,
Онъ воинъ — въ дни единоборства,
Въ священнодѣйствіи — онъ жрецъ:

Боецъ готовъ своею кровью
Запечатлѣть свой честный трудъ,
Обѣтъ души сдержатъ съ любовью;
Жрецъ — свыше избранный сосудъ.

Святую цѣль себѣ назнача,
Онъ къ ней идетъ сквозь строй помѣхъ;
Его не сломитъ неудача,
Не упоитъ его успѣхъ.

1862

СМИРЕНИЕ.

Не вызывай судьбы на битву!
Борьба съ судьбой не по тебѣ!
Гроза ль придетъ — твори молитву:
Не малодушно пасть въ борьбѣ.

Когда бушуютъ моря волны,
Не рвись на челнокѣ своемъ
Ты въ бездну волнь, отваги полный,
Но слабый управлять рулемъ.

Иной рожденъ для битвъ и шума,
Блеснуть, или сторѣть въ грозѣ;
Другаго тихомолкомъ дума
Ведеть по низовой стезѣ.

Онъ любить тихую погоду,
Лазурь домашняго пруда,
Души покой, души свободу
И святость скромнаго труда.

1862

* * *

Не тѣмъ трудна житейская задача,
Что нѣтъ ни въ чемъ успѣха безъ труда,
Что въ сей юдоли жертвъ, утратъ и плача
Измѣнчива намъ счастья звѣзда;

Что мы должны всегда быть на сторожѣ,
Какъ пѣшеходъ по скользкому пути,
Что чѣмъ идемъ мы далѣе, тѣмъ строже
Мы за собой обязаны блюсти;

Что воля есть, но съ волею своею
Не можемъ мы по прихотямъ слѣпымъ
Ни управлять судьбой, ни сладить съ нею,
Когда законъ ея неотвратимъ.

Законъ судьбы есть тотъ же Промыслъ Божій,
А Промыслъ сей и въ испытаньяхъ благъ.
Что жъ, если впрямъ мы на дѣтей похожи,
Когда онъ намъ наставникъ, а не врагъ?

Предъ Промысломъ и въ скорбь благоговѣю,
Покорствуя премудрому врачу:
Но я съ людьми бороться не умѣю,
А уступать имъ молча не хочу.

Вотъ чѣмъ трудна житейская задача;
Вотъ для чего спокойнѣй и вѣрнѣй, -
Подъ сумракомъ и ничего не знача,
Вѣкъ доживать подалеже отъ людей.

1862

ХОРОШЕ ЛЮДИ.

Мы, люди хорошіе, — вялы,
Въ житейскихъ дѣлахъ не дѣльцы;
Ученые мы генералы,
Но въ битвѣ плохіе бойцы.

И мало упругости въ жилахъ,
И мѣрно кровь льется въ груди;
Мы дѣйствовать сильно не въ силахъ,
А трудъ и борьба впереди.

Мы нравственно судимъ и рядимъ,
Добры мы и честны — все такъ!
Но съ жизнью никакъ мы не сладимъ,
Съ людьми не сочтемся никакъ.

Быть можетъ — мы глупы. На это
Скажу: не глупѣ другихъ;
Но умъ нашъ ходячей монетой
Не ходить на рынкахъ людскихъ.

Намъ общество мало въ подмогу,
А чаще перечить тайкомъ
И радо подставить намъ ногу,
Чтобъ объ земь мы стукнулись лбомъ.

Все совѣстно цѣнимъ и мѣримъ,
Чтобъ намъ не наткнуться на грѣхъ;
Въ себя не заносчиво вѣримъ
И вѣримъ не слѣпо въ успѣхъ.

Кажись, все обдуманно зрѣло,
Въ удачѣ есть много порукъ;
А только возьмемся за дѣло —
И валится дѣло изъ рукъ.

II.

Посмотришь и выше, и ниже,
Тамъ люди, да Богъ насъ простить!
И правилъ какъ будто пожиже,
И честь ихъ мѣстами сквозить.

И совѣсть ихъ — будто съ пробѣломъ,
Что хочешь — на ней и пиши
И какъ ни ищи, а подъ тѣломъ
Не сыщешь малѣйшей души.

Но людъ все рабочій и крѣпкій,
Народъ дѣловой и къ тому-жъ
Возьметсѣ-ль за гужъ волей цѣпкой, —
Не скажетъ онъ вамъ, что не дюжъ.

Какъ бѣсь онъ, то крупный, то мелкій,
Чего сгоряча не сорветъ,
Тамъ дѣло искусной продѣлкой
Тайкомъ мастерски обойдетъ.

Рѣшенье любого вопроса
У нихъ какъ по маслу течетъ;
Быть можетъ, для чуткаго носа
Отъ масла ихъ — воню несетъ.

Чтожъ дѣлать? Брезгливость не въ пору
И люди, и жизнь не изъ розъ,
А главное дѣло, — чтобъ въ гору
Встащить свой навьюченный возъ.

На это — народъ сей не промахъ
И всюду, провалъ ихъ возьми!
Хитеръ онъ и счастливъ въ приемахъ
Съ судьбою, собой и людьми.

Онъ съ недругомъ сладить и съ другомъ,
Судьба, какъ ни царствуй сама, —
«Покорная имъ ко услугамъ»,
Какъ въ подписи дамской письма.

И каждый усердно имъ служить
И прямо съ огня имъ на столъ
Таская каштаны, не тужить,
Что самъ на-тощакъ онъ и голъ.

III.

Есть въ людяхъ сословье и третье:
Въ нихъ жажда и жадность хвалы;
Средь прочихъ — они междометье,
То есть: не добры и не злы.

Въ числѣ ихъ особенныхъ качествъ,
Во первыхъ замѣтите одно:
Даръ много затѣять дурачествъ
И вѣрить, что выйдетъ умно.

Они помѣшались на благѣ,
Добра опоилъ ихъ дурманъ;
Для пользы легко ихъ отвагѣ .
Верхомъ переплыть океанъ.

Призванье ихъ: зла уничтожить,
Чтобъ не былъ ни бѣдный, ни плутъ,
И такъ всѣ блаженства размножить,
Что горя — проси, не дадутъ.

Оракулы мудрой науки
Чуть скажутъ: да будетъ — и есть;
Лишь стоитъ перо дать имъ въ руки
Да бѣлой бумаги хоть дестъ,

Испишутъ всю въ мелкія строчки;
Запишется такъ ихъ рука,
Что звѣзды хватаетъ, что бочки
Намъ птичьяго дастъ молока.

Одинъ политической частью
Особенно умъ распалилъ:
Миръ за-ново личною властью
Крестить онъ въ купели чернилъ.

Европу по своему дѣлить;
На все свой аршинъ, свой компасъ;
Куда онъ перомъ ни прицѣлитъ,
Тамъ выскочитъ кукла какъ разъ.

Германі пестро-лоскутной
Даль цвѣтъ онъ единый и пласть,
Даль Пруссіи флотъ сухопутный,
А послѣ — моря онъ ей дастъ.

Россію, incognita terra,
Ворочать ему ни по чемъ;
Проектъ за проектомъ и мѣра
За мѣрой кипятъ подъ перомъ.

Въ проектъ ей каждый по лептѣ
Приносить — чѣмъ счастья добыть,
И если здоровье въ рецептѣ,
То какъ ей здоровой не быть?

Врачи многопищущей шайкой
Рецептами кормятъ ее,
И знахарь тайкомъ съ ворожайкой
Ей шепчутъ лекарство свое.

Другой же — по нравственной части,
Взялся человѣческій родъ
Сберечь отъ порока и страсти
И прочихъ житейскихъ невзгодъ;

Ягнечка съ волкомъ, какъ съ ровней,
Бокъ-о-бокъ въ рѣкѣ напоить.
А что и того баснословнѣй:
Людей межъ собой согласить;

Въ законахъ, гонясь не за буквой,
Всѣ руки на все развязать
И если нѣтъ денегъ, — то клюквой
Съ народа налоги собирать.

А тоже — хорошіе люди;
Но умъ ихъ маленьво въ бѣгахъ:
Палятъ изъ бумажныхъ орудій,
Плывутъ на бумажныхъ судахъ —

И вѣрятъ, что сдастся имъ крѣпость,
Что берегъ у нихъ подъ рукой;
Что имъ ни приснись за нелѣпость, —
Хотятъ ей дать образъ живой.

И хлопая глупо ушами,
Глаза растараща и ротъ,
Пророковъ въ нихъ видя, толпами
Кругомъ ихъ тѣснится народъ.

Ихъ розказнямъ вѣритъ онъ слѣпо;
За былъ небылицы идутъ;
Предъ тѣмъ, что до нельзя нелѣпо,
Тутъ слюнки ихъ слаще текутъ.

Морочить людей, ихъ дурачить,
Имъ пылью глаза закидать —
Есть способъ: сперва озадачить,
Чтобъ тамъ ихъ вѣрнѣй осѣдлатъ.

Не вѣрится правда простая,
А вѣрятъ въ кудрявую ложь;
За нею гоняясь и лая,
Народъ съ той собакою схожъ,

Которая (помните притчу?)
Роняетъ, что держитъ въ зубахъ,
Прельстившись въ рѣкѣ на добычу,
Мелькнувшую тѣнью въ струяхъ.

IV.

Куда ни посмотришь — все то же:
Въ однихъ — чуть не всѣхъ признаю.
Но кто же, о Господи Боже!
Воздѣляетъ ниву твою?

Кто въ почву благу посѣетъ
Благія твои сѣмена?
Кто жатвой управитъ съумѣетъ,
Когда подоспѣетъ она?

Гдѣ твердые мысля и дѣломъ?
Гдѣ чистые свѣтлой душой,
Готовые въ подвигъ смѣломъ
Пожертвовать братьямъ собой?

Готовые съ ревностью скромной
Быть нынче, какъ были вчера,
Пчелой незамѣтной и темной
Въ общественныхъ ульяхъ добра?

Быть колосомъ въ общей запашкѣ,
И помня народный глаголь,
Быть ниткою съ міра въ рубашкѣ
Тому, кто и бѣдень и голъ?

Ищу съ фонаремъ Діогена;
Сдается, — вотъ встрѣчу, авось!
Людей чередуется смѣна, —
А свѣчки задуть не пришлось.

1862

ЗАМѢТКА.

Послушать — вѣкъ нашъ вѣкъ свободы,
А въ сущность глубже загляни:
Свободныхъ мыслей коноводы
Восточнымъ деспотамъ сродни.

У нихъ два вѣса, два мѣрила,
Двоякій взглядъ, двоякій судъ:
Себѣ дается власть и сила,
Своихъ на верхъ, другихъ подъ спудъ.

У нихъ на все есть лозунгъ строгій;
Подъ либеральнымъ ихъ клеймомъ:
Не смѣй идти своей дорогой,
Не смѣй ты жить своимъ умомъ.

Когда кого они прославятъ:
Предъ тѣмъ колѣна преклони.
Кого они опалой давятъ:
Въ того и ты за нихъ лягни.

Свобода, правда, сахаръ сладкій,
Но отъ плантаторовъ бѣда:
Куда какъ тяжки ихъ порядки
Рабамъ свободнаго труда.

Свобода — превращеньемъ роли —
На ихъ условномъ языкѣ:
Есть отреченье личной воли,
Чтобъ быть винтомъ въ паровикѣ;

Быть попугаемъ однозвучнымъ,
Который весь оторопѣвъ,
Твердитъ съ усердіемъ докучнымъ
Ему насвистанный напѣвъ.

Скажу съ сознаниемъ печальнымъ:
Не вижу разницы большой

Между холопствомъ либеральнымъ
И всякой барщиной другой.

1860

* * *

Меня «за ненависть къ журналамъ» судятъ строго.
Вотъ какъ! А думалъ я, журнальный старожилъ,
Что на вѣку своемъ я много, слишкомъ много
На нихъ растратилъ дней и мыслей и чернилъ;

Что я служака ихъ, что на Руси журнальной
Посильный труженикъ свой слѣдъ запечатлѣлъ,
Что самъ журналитетъ мнѣ выдастъ листъ похвальный
За то, что въ битвахъ я журнальныхъ посѣдѣлъ.

За что жъ вашъ гнѣвъ меня безжалостно похѣрилъ?
А вотъ за что: на зло поклонникамъ инымъ,
Всѣмъ лжепророкамъ я не вѣрю и не вѣрилъ,
И поклоненье ихъ мнѣ кажется смѣшнымъ

Такъ что жъ? Бѣлинскій вашъ, хоть будь сто разъ Бѣлинскій,
Весь Русскій журнализмъ нельзя жъ за нимъ признать.
Вольно жъ вамъ, рекрутамъ его, подъ ладъ воинскій,
При имени его на вытяжкѣ стоять.

Бѣлинскій вашъ кумиръ — имѣю честь поздравить
Васъ съ праздникомъ! Ему и отдавайте честь:
Ему вы можете и памятники ставить
И сами въ памятникъ ему себя возвестъ.

Опять поздравлю васъ; вамъ полная свобода!
Но волю и мою вы предоставьте мнѣ:
Я не мѣшаю вамъ быть вашего прихода,
И радъ я, что у насъ хоругви не однѣ.

Вы мыслить и писать затѣяли впервые
Съ Бѣлинскимъ: до него былъ вамъ дремучій мракъ.
Прекрасно! У меня жъ учителя другіе,
И до него еще я мыслить кое-какъ.

Вотъ тутъ и весь вопросъ, со справкой и посылкой:
Пожалуй, скажете, что я искусствамъ врагъ,
Когда не дорожу малярною мазилкой
И уличнымъ смычкомъ скрипичныхъ побродягъ.

1861

ЗАМѢТКИ.

Свободой дорожу, но не свободой вашей,
Не той, которой вы привыкли промышлять,
Какъ цѣловальники въ шинкахъ хмѣльною чашей,
Чтобъ разумъ омрачить и сердце обуять.

Есть благородная и чистая свобода,
Возвышенной души сокровище и страсть;
Святыня, — не попреть ея судьбы невзгода,
Враждѣ людей — ея твердыни не потрясть.

Она — любовь и миръ, и благодать, и сила,
Духовной воли въ ней зачатокъ и залогъ;
Я ей не измѣнялъ и мнѣ не измѣнила
Она — и сторожить домашній мой порогъ.

Я пребылъ вѣренъ ей подъ солнцемъ и подъ тучей,
Мнѣ внутренней броней она всегда была.
Не падалъ духомъ я во слѣдъ звѣздъ падучей,
При восходящей — я не возносилъ чела.

Кто рабствуетъ страстямъ, тотъ въ рабствѣ безнадежномъ.
Свободу дай ему, онъ тотъ же будетъ рабъ;
Дай власть ему — въ чаду болѣзненно-мятежномъ,
Въ могуществѣ самомъ онъ малодушно слабъ.

Онъ недовѣрчивъ, онъ завистливъ, преданъ страху,
Дамокловъ мечъ всегда скользитъ по головѣ;
Душой свободенъ былъ Шенье, всходя на плаху,
А Робеспьеръ былъ рабъ въ кровавомъ торжествѣ.

Подъ злобой записной къ отличіямъ и къ роду
Желчь хворой зависти скрывается подъ часъ —
И то, что выдаютъ за гордую свободу,
Есть часто ненависть къ тому, кто выше насъ.

Есть древняя вражда: къ каретамъ — пѣшехода,
Лѣнивой нищеты — къ богатому труду,
Къ барону Штиглицу того, кто безъ дохода,
Иль обвиненнаго къ законному суду.

Смѣшенъ сей новый Гракхъ республики журнальной,
Который отъ чиновъ не прочь, (но прочь они),
Когда начнетъ косить косою либеральной
Заслуги, родъ, и знать, и все, что имъ сродни.

На всѣхъ сверкаетъ онъ молніеноснымъ глазомъ,
И чтобъ вѣрнѣй любовь къ свободѣ доказать,
Онъ силится смотрѣть свирѣпымъ дикобразомъ
И съ пѣной на губахъ зубами скрежетать.

Забавный мученикъ! бѣдняжкѣ неизвѣстно,
Что можно во сто разъ простѣй свободнымъ быть
И мнѣнья своего и убѣжденій честно
Держаться, а людей, пугая, не смѣшить.

Любимый гость Двора подѣ Царскосельской тѣню,
Въ державномъ обществѣ мудрецъ и гражданинъ,
Покорный одному сердечному влеченью,
Твердъ и свободенъ былъ правдивый Карамзинъ.

Жуковскій во дворцѣ былъ отрокомъ Бѣлева:
Онъ вѣру, и мечты, и кротость сохранилъ,
И дѣвственной души онъ ни лукавствомъ слова,
Ни тѣню трюсости, дитя, не пристыдилъ.

Свободенъ тотъ одинъ, кто умирить желанья,
Кто свѣтель и душой, и помышленьемъ чистъ,
Кого не обольстятъ толпы рукоплесканья,
Кого не уязвить нахальной черни свистъ.

Свободу возлюбя, гнушаясь своевольемъ,
На язвы общества, чтобъ глубже ихъ разжечь,
Не обращаетъ онъ съ лукавымъ сердобольемъ
Тлетворную, какъ ядъ, заносчивую рѣчь.

Нелѣпымъ равенствомъ онъ высшихъ не унижить,
Но въ предназначенной отъ Промысла борьбѣ,
Посредникъ, онъ бойцовъ любовнымъ словомъ сблизить
И скажетъ старшему: и младшій — братъ тебѣ.

1861

* * *

«Зачѣмъ глупцовъ ты задѣваешь?»
Не разъ мнѣ Пушкинъ говорилъ;
«Ихъ не сразишь, хоть поражаешь;
«Въ нихъ перевѣсъ числа и силъ.

«Противъ тебя у нихъ орудья:
«На сплетни — злые языки,

«На убѣжденъе простолюдыя —
«У нихъ печатные станки.

«Ты только имъ къ возстанью служишь;
«Пожалуй ранишь кой-кого:
«Что жь? одного обезоружишь,
«А сотня встанетъ за него».

Совѣтъ разумень былъ. Но къ горю,
Не вразумилъ меня совѣтъ;
До старыхъ лѣтъ съ глупцами спорю,
А переспорить средства нѣтъ.

Сѣдинамъ въ бороду на встрѣчу
Знать завсегда и бѣсъ въ ребро:
Какъ скоро глупость гдѣ подмѣчу,
Сейчасъ зачесется перо.

1862

* * *

«Намъ кое-что еще темно въ натурѣ;
«Но съ нравственныхъ наукъ ужъ снять покровъ
«И въ обличительной литературѣ
«Достигли мы Иракловыхъ столповъ.

«Мы создали сей родъ. Мы вѣтвью новой
«Украсили познанья древо. Мы
«Растормошили истиной суровой
«Въ самозабвеньи спящие умы.

Вотъ каково. Спасибо, что сказали.
А думалъ я по простотѣ своей,
Что многіе до васъ ужъ обличали
Пороки, страсти, немощи людей;

Что не дремала грозная сѣкира,
Негодные сучки срубая сплошь;
Что драма, баснь, исторія, сатира
Карало зло, невѣжество и ложь.

Что напримѣръ, хотъ Тацитъ, мимоходомъ,
Довольно меткій обличитель былъ;
Что Ювеналь, безстрашный предъ народомъ,
Его въ стихахъ, какъ въ зеркалѣ, стыдилъ.

Что Молиеръ, что Шекспиръ и другіе,
Которыхъ взоръ пронзалъ, какъ острый лучъ,
Изгибы сердца, тайники глухіе,
Гдѣ къ жизни внутренней таится ключъ, —

Что всѣ они, присматриваясь къ вѣку,
Гнушаясь зломъ и правду возлюбя,
Уликами внушали человѣку
И познавать и исправлять себя.

Что и у насъ фонъ-Визинъ, Сумароковъ,
Державинъ самъ и наконецъ Крыловъ
Срывали маску съ будничныхъ пороковъ
И съ гордаго лица временщиковъ.

«Отчасти такъ; но были то попытки,
«Не шли впередъ несмѣлые умы.
«А намъ далось — жизнь разобрать до нитки
«И добрались до будочниковъ мы.

«Житейскихъ битвъ, великихъ драмъ житейскихъ
«Мы изучали тайный смыслъ и связь;
«Мы сплетней соръ выносимъ изъ лакейскихъ
«И въ закоулкахъ провѣряемъ грязь.

«Своимъ рѣзцомъ клеймимъ кривыя клинья
«Въ согнившихъ зданьяхъ дряхлой старины;
«Мы Тациты Управы Благочинья
«И въ мелочахъ мы ищемъ глубины.

«Съ Невы по Днѣпръ, за Дономъ, за Курмышемъ
«Съ полиціей взяли мы счеты свестъ,
«Мы на нее и ей доносы пишемъ,
«А разбирай — кому охота есть».

1862

ЗАМѢТКИ.

I.

Вотъ и у насъ заводятъ рѣчь о красныхъ,
Но, кажется, толкуютъ не впопадъ:
Не въ первый разъ, въ усильяхъ ежечасныхъ,
И все и всѣхъ мы корчимъ на подрядъ.

Легко мы поддаемся всякой кличкѣ;
Къ лицу иль нѣтъ, а разомъ заклеимимъ:
Чего у насъ и нѣтъ, такъ по привычкѣ
Мы прячемся подъ прозвищемъ чужимъ.

Что новаго Европа ни затѣетъ,
Сейчасъ и мы со снимкомъ налицо,
И подъ узоръ французскій запестрѣетъ
Домашняго изданія дрянцо.

Куда-бы въ круть Европа ни свернула,
Къ ней на запятки вскакиваемъ мы:
У насъ, куда молва-бы ни подула,
Линяютъ сплошь и кожа и умы.

О красныхъ и у насъ забочусь мало:
Ихъ нѣтъ; а есть гнѣздо безцвѣтныхъ лицъ,
Которыя хотять во чтобъ ни стало,
Нули, попасть въ строй видныхъ единицъ.

Начнутъ они пыхтѣть и надуваться,
И горло драть надсаживая грудь,
Чтобъ покраснѣть, чтобъ красными казаться,
Чтобъ наконецъ казаться чѣмъ-нибудь.

II.

Лобъ не краснѣющій, хоть есть съ чего краснѣть,
Нахальство языка и зычность мѣдной груди,
Вотъ часто все, что надобно имѣть,
Чтобы попасть въ передовые люди.

III.

Добчинскій гласности, онъ хочетъ,
Чтобъ знали, что Добчинскій есть:
Онъ рвется, мечется, хлопочетъ,
Чтобъ въ люди и въ печать залѣзть.

Двухъ мыслей сряду онъ не свяжетъ;
Но какъ къ журналамъ не прильнуть?
Сказать, онъ ничего не скажетъ,
А все-же тиснетъ что-нибудь.

Онъ гвоздь и вѣшалка дипломамъ,
Обвѣшенъ какъ лоскутный рядъ:
Онъ къ географамъ, къ агрономамъ,
Пристать и къ публицистамъ радъ.

Ко всѣмъ прилипнетъ многочленный,
Во все вобьется онъ какъ моль:
Всѣхъ обществъ членъ онъ непремѣнный
И всюду непремѣнный ноль.

Возникнетъ-ли въ средѣ журнальной,
Демократическій вопросъ?
Юлитъ онъ мухой либеральной
И высоко задрать свой носъ.

Жужжить: прогресса мы предтечи.
А дѣло въ томъ, что егоза,
О чемъ идутъ и толкъ и рѣчи,
Не знаетъ и аза въ глаза.

Вездѣ, гдѣ только есть возможность,
Заявить онъ свое словцо,
Свою на все готовую ничтожность
И глупостью цвѣтущее лицо.

1862

* * *

Идутъ ли въ прокъ дѣла, иль плохо;
Успѣхъ, задержка-ли въ трудѣ?
Все переходная эпоха
За всѣхъ отвѣтствуетъ вездѣ.

Упившись этимъ новымъ словомъ,
Толкуемъ мы и вкривь и вкосъ
Какъ будто о явленьи новомъ,
Что неожиданно сбылось;

Какъ будто-бъ новая эпоха
Съ небесъ сошла на насъ врасплохъ;
Но со временъ царя гороха
Непереходныхъ нѣтъ эпохъ.

Съ тѣхъ поръ, что Русь стоитъ, что люди
Въ ней кое-какъ въ кружокъ сошлись,
Варяги будь, или изъ Жмуди,
Иль пожалуй Черемись,

Но все-жъ средь общаго сожитья
Жизнь приносила цвѣтъ и плодъ,

И поколѣнья и событя
Свой совершали переходъ.

Все переходъ, всегда теченье,
Все волны той живой рѣки,
Которой русло — Провидѣнье
И намъ незримы родники.

Вѣкъ каждый былъ чреватъ событьемъ,
И на себѣ несъ слѣдъ борьбы,
То явно, то глухимъ наитьемъ
Проходятъ Божіи судьбы.

И по лицу земли, и въ нѣдрахъ
Ея глубокихъ тайниковъ,
Въ ископахъ дольныхъ, въ горныхъ кедрахъ,
Разросшихся до облаковъ,

Въ таинственныхъ пучинахъ моря,
Въ таинственномъ броженіи рудъ, —
Все образуясь, строясь, споря,
Проходитъ переходный трудъ.

Идетъ повсюду разработка
Зиждительныхъ началъ и силъ,
Отъ хладной жизни самородка
До строя огненныхъ свѣтилъ.

Съ неугасаемой любовью,
Такъ и въ духовномъ бытіи
Тому-же слѣдуетъ условью
Жизнь человѣческой семьи.

И у нея своя работа,
То въ потаенной тишинѣ,
То съ быстротой водоворота
И грозами внутри и внѣ.

Безъ жертвы нравственной свободы,
Но къ цѣли часто темной намъ,
Идутъ эпохи и народы
По историческимъ путямъ.

Слѣдами путь свой обознача
Эпоха каждая жила:
У каждой были цѣль, задача,
Грѣхи и добрыя дѣла.

Событья льются по порядку
Изъ лона плодотворной тьмы,
Сфинксъ времени даетъ загадку,
Ее разгадываемъ мы.

Сфинксъ этотъ не давалъ покоя:
Одну загадку порѣшатъ, —
Вторая, третья, безъ отбоя,
Одни во слѣдъ другимъ спѣшатъ.

Вся жизнь въ приливѣ и отливѣ,
Посѣвъ и жатва чередой
Смѣняются на Божьей нивѣ
Подъ человѣческой рукой.

Впередъ, впередъ моя исторья!
Взывалъ Онѣгина пѣвецъ,
Когда просилъ отъ музъ подспорья,
Чтобы съ концомъ свести конецъ.

Сей кликъ труда и упованья —
И человѣчества есть кликъ,
Онъ съ первыхъ дней міросозданья,
А не съ вчерашняго возникъ.

Къ чему жъ, скажите, ради Бога,
Мы вѣкъ свой не въ примѣръ другимъ, —
Когда имъ всѣмъ одна дорога, —
Особымъ прозвищемъ честимъ?

Но вы затѣмъ, что сами новы,
Что вѣры въ прошлое въ васъ нѣтъ,
А вѣрять въ сны свои готовы
Съ слѣпымъ довѣремъ дѣтскихъ лѣтъ.

Вамъ, чуждымъ лѣтописи древней,
Вамъ въ умъ забрать не мудрено,
Что съ той поры и свѣтъ въ деревнѣ,
Какъ стали вы смотрѣть въ окно.

Нѣтъ, и до васъ шли годы къ цѣли,
Въ деревнѣ Божій свѣтъ не гасъ,
А въ окна многіе смотрѣли,
Которые позорче васъ.

1862

Попробуй съ рьянымъ неофитомъ,
Схватившимъ вдругъ вершки всего,
Въ вопросъ ужъ давно избитомъ
И новомъ только для него,
Попробуй быть съ нимъ разныхъ мнѣній, —
Хоть Пушкинъ будь, хоть Карамзинъ, —
Онъ градомъ брани и каменій
Засыплетъ васъ съ своихъ вершинъ.
Что разъ въ его ввоздили стѣну,
На томъ онъ крѣпко заторѣлъ;
Нѣтъ спорныхъ мыслей для обмѣну:
Къ одной приросъ и затвердѣлъ.
Упрямый, цѣльный, однородный,
Пожалуй, твердо онъ стоитъ;
Но гдѣ-жъ тутъ жизнь? Въ степи безплодной
Одной онъ мысли монолитъ.
Въ умѣ его, тугомъ и тѣсномъ,
Сомнѣньямъ мудрымъ мѣста нѣтъ;
Въ своемъ величьи полновѣсномъ
Заплылъ онъ въ свой авторитетъ.
Глупцамъ прилично зазнаваться:
Самоувѣренность тупа.
Умѣла-бъ глупость сомнѣваться,
Была-бъ она не такъ глупа.

1862

DE MORTUIS AUT NIHIL, AUT BENE.

Смѣшенъ и жалокъ не Бѣлинскій,
Да и къ тому жъ покойникъ онъ,
А по пословицѣ латинской,
Грѣшно тревожить мертвыхъ сонъ.

Какъ мы живаго не читали,
Когда, Богъ знаетъ изъ чего,
Журналы толстые трещали
Подъ плодовитостью его, —

Такъ мертваго въ забвеньи тихомъ
Оставить рады были бъ мы,
Не поминая зломъ и лихомъ
Его журнальной кутерьмы.

Но къ удивленью, вдругъ онъ ожилъ,
Иль имъ поднятый пустозвонъ,
И мертвый онъ себя помножилъ
На замогильный легионъ.

Не въ хладный гробъ, въ кощунствѣ дикомъ,
Пришла охота намъ стрѣлять, —
А въ птицъ ночныхъ, засѣвшихъ съ крикомъ
На гробъ тризну совершать.

1862

* * *

По мнѣ — онъ просто скучный враль;
У васъ — «умъ перваго разбора,
«Онъ въ облакъ пророкъ, но жаль:
«Цензура не даетъ простора.

«Его читайте между строкъ
«И мимо пропускайте строки:
«Не въ нихъ есть смыслъ, не въ нихъ есть прокъ,
«А въ заднихъ мысляхъ — смыслъ глубокий.

— Пусть такъ; но въ томъ то и бѣда
И тутъ то выводъ неуклюжий:
Умъ — сзади спрятанъ всегда,
А глупость — вся глядитъ снаружи.

1862